

После полуночи надрывно и слаженно, как хор Турецкого, запели коты. Через полчаса их грузинское многоголосие смел усталый собачий бас с интонацией «ша, братва, хорош уже». Коты попытались отобрать микрофон, но шаляпинский собачий бас ушел в инфразвук, и других вокалистов смелó. Остались какие-то бессонные птички и настырный комар, которого я убила бурными аплодисментами.

Дом стоит на горе, сверху небо в сверкающих дырочках и молодой месяц, сквозь тонкое руно одинокого облака расплывающийся в золотой персидский огурец. Снизу — крыши уступами, острые локти портовых кранов и море, море...

Неровным швом снизу от генуэзской крепости — древняя стена. Тянется, истончается, местами рвется, прячется под корнями сорных трав, шалфея и ромашки, чтобы вдруг вынырнуть низким иззубренным гребешком во дворе под шелковицей.

Поставь напротив пару кирпичей, наруби дров, зажги огонь, жарь мясо, отпуская тревоги в небо с дымом костра... Феодосия, Фео, Кафа...
С горы-то поди разгляди, какой нынче век.
Счастливые часов и календарей не наблюдают...

Утро началось с нежного поцелуя в шейку и страстного шепота:

— Осталось восемь дне-е-ей!

Я открыла глаза — взгляд удачно уперся в часы на стене — и, уточняя, отчеканила:

— Восемь дней, три часа и сорок минут!

Правильно же подсчитала?

Торжественную церемонию нам назначили на одиннадцать, а сейчас часы показывали только семь двадцать. Мой милый майор Кулебякин по привычке даже в отпуске просыпается неприлично рано. И я бы тоже без возражений пожертвовала сладким утренним сном ради постельных утех, так нет же! Не будет мне этих утех еще восемь дней, три часа и... сколько там?

Целых тридцать девять минут!

Кто-то — например, моя лучшая подруга Алка — наверняка скажет, что я сама виновата.

Не надо было, мол, издеваться над хорошим мужиком и безобразно откладывать давно обещанный ему поход к алтарю. Сказала «да» на сделанное тебе предложение руки и сердца — все, топай в ЗАГС, и тогда на законных ос-

нованиях получишь и остальные части любимого мужского организма! Тянула? Не хотела расставаться с жизнью вольной, обручальным колечком не стесненной? Ну, принимай ответочку!

Но кто же знал, что хороший мужик так коварен и прекрасно умеет сражаться трофейным оружием?!

«Сначала в ЗАГС — потом в постель!» — это же чисто наш, женский, смертельный удар!

Видно, совсем уже отчаялся майор Кулебякин, если применил ко мне, любимой, такой недостойный прием.

И ведь отношений-то не прервал, вовсе нет, наоборот: повысил уровень заботливости и градус нежной страсти. Цветы мне начал таскать охапками, не обращая внимания на стоны бабок, возделывающих наши придомовые клумбы. Звонить научился без всякого повода, эсэмэски веселые присылать, посты мои в соцсетях стал лайкать без пропуска, в режиме ковровой бомбардировки! И — главная подлость — спать со мной не прекратил, но только спать, без приятных излишеств!

Издевательство, да?

Конечно же, я не выдержала, хотя держалась очень долго, пару месяцев. Надеялась, что Денис образумится... То есть, наоборот, потеряет разум от моей красоты и прелести, разок-другой под-

дастся соблазну — а там, глядишь, мы и вернемся к необременительной жизни во грехе.

Ну не хотела я становиться Индией Кулебякиной!

Жуть, правда?

«Индия Кулебякина» — фу! Звучит как строчка в меню. Чувствую себя не прекрасной дамой, а аппетитным пирогом с сочным птичьим мясом.

Хорошо еще, что до милого в конце концов дошло: менять фамилию я не соглашусь никогда и ни за что, даже под пытками. Денис смирил гордыню — а почему бы и нет, плоть-то смирил? — и согласился, чтобы я оставила в браке девичью фамилию. Тогда и я пошла на компромисс и милостиво разрешила отконвоировать себя в ЗАГС для подачи заявления. Его, впрочем, можно было еще забрать, а потому мой коварный майор проявил осмотрительность и измучивший нас обоих celibат не отменил. Основное условие осталось прежним: сначала в ЗАГС — потом в постель не для сна...

Звонкий чмок в ухо оглушил меня, и я услышала только самый конец произнесенной Денисом фразы:

— ...это радует!

Что его радует? Что я считаю минуты до нашего воссоединения на брачном ложе?

— Тиран и деспот! — сердито буркнула я и перевернулась на другой бок, чтобы не видеть не-

выносимо голый тыл Кулебякина, бодро вскочившего с кровати.

Тиран и деспот высок и широкоплеч. У него, заразы, узкие бедра, крепкая задница, стройные ноги — и все это великолепие покрыто свежим золотистым загаром. Я капнула голодной слюной на подушку и тихо зарычала.

— Гау? — заинтересованно спросил собачий бас с веранды.

Это Барклай, бассет-хаунд Дениса. В наших крымских пенатах он полюбил спать на свежем воздухе, и я всецело одобряю эту его новую привычку. Очень утомительно бывает спихивать с кровати увесистую тушу четвероногого друга, искренне убежденного в том, что у него равные права с людьми на все, включая мягкий матрас и свежее постельное белье.

— Тихо, ты, бегемот пятнистый! — зашипел на питомца Кулебякин, и бассет послушно замолчал.

Равноправие раноправием, но команды хозяина — это святое. В паре Денис Кулебякин — Барклай Кулебякин главный, бесспорно, товарищ майор. А вот если рассматривать нас, почти уже ячейку общества, как боевую тройку, то в ней командовать буду я, Индия Кузнецова. Костьми лягу, но буду! Хотя Денису об этом пока знать не стоит...

— Ну что, ну что? — азартный шепот донесся из-за тонкой, в полкирпича, перегородки. — Он

опять устоял? Да ладно! Я же Дюше свою ночнушку отдала, ту, французскую, ну ты помнишь...

Я, конечно же, узнала голос родительницы.

Ах, мамулечка! Твоя парижская ночнушка — кружевная паутинка — просто великолепна, но я ведь ее и надела, и сняла — а Кулебякин все равно не поддался! Даже страшно как-то выходить за мужика с такой стальной волей. Что за жизнь у нас будет? Бесконечный поединок, звон мечей и визг картечи!

— Какую ночнушку? Ту, что с кружавчиками вот ту-ут и бантиком где-то здесь? — под тихое повизгивание мамули сытым мишкой заурчал мой папуля, явно на ощупь припоминая расположение незабываемых кружавчиков и интригующего бантика.

Я бухнула в разделяющую нас стену кулаком:

— Угомонитесь! Дети рядом!

— Точно, он устоял, — после паузы с сожалением резюмировала мамуля.

— Железный человек! — с одобрением молвил папа.

— Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей! — язвительно заметила мама.

Как писательница она высоко ценит художественное слово и никогда не упускает возможность процитировать кого-нибудь из коллег. Сегодня вот с Маяковского начала.

— Вя-вя-а-а! — послышалось из-за другой стены.

О, вот и дети. Которые уже внуки.

В летнем доме мы с Денисом живем в окружении любимых родственников — представителей четырех поколений: с одной стороны от нас мои родители, с другой — братец Зяма с женой, моей подругой Алкой, и их младенцем. Четвертую комнату занимает бабуля, но она глуховата и поэтому редко принимает участие в семейных сценах в стиле замка Иф. Ну, вы же помните тюрьму, где томился будущий граф Монте-Кристо? Он и его товарищи-заключенные переговаривались и перестукивались через стены, совсем как мы тут.

— Вя-а! — Малыш Акимка, не получив отклика публики, требовательно повысил голос.

— Ким проснулся, — с отчетливо страдальческой интонацией проговорил Зяма. — Дай ему грудь...

Залепетала что-то ласковое Трошкина, и справа за стеной стало тихо.

— Кстати, про гвозди и прочий тяжелый металл! — Папуля слева от меня заговорил громче — оживился, седлая своего любимого конька. — Я вчера на чердаке нашел старинную чугунную сковороду, она увесистая — слона убить можно, но просто шикарная, только у нее ручки нет. Когда будем уезжать, заберем ее в город,

там у меня есть мастер, который делает холодное оружие...

— Сковородка — это не холодное, а горячее оружие, — влезла с ремаркой мамуля.

— Смотря как использовать, — не согласился папуля. — Если просто взять и стукнуть...

— А-а-а-а!!! — донеслось со двора.

Как будто там реально кого-то взяли и стукнули. Возможно, даже, именно чугунной сковородкой. Но недостаточно крепко, к сожалению: не до наступления благословенной тишины.

Вопль был коротким и завершился сочным влажным шлепком, после которого послышался тихий яростный мат, сопровождаемый уютным журчанием. Снова весело гавкнул Барклай. Заинтригованная, я завернулась в простыню, вышла во двор и залюбовалась. Было прекрасное розовое утро. Пели птички, жужжали пчелки. Плотнo сидя бело-коричневой попой в пушистых лопухах и свесив до земли одно мягкое плюшевое ухо, спиной ко мне замер глубоко заинтересованный пес.

Ему было на что посмотреть!

Под раскидистой старой шелковицей стоял красивый голый майор Кулебякин, и по его блестящим загорелым телесам игриво скользила кружевная тень резных листьев, колеблемых легким ветерком. Особый блеск майорским телесам придавала стекающая с них водица.

— Ты че орешь, Кулебякин? — ласково поинтересовалась я, похлопав себя по уху.

— Дай ему грудь, — машинально посоветовал сонный Зяма из своей комнаты.

— Не возьмет, — с сожалением ответила я — тихо, чтобы никто не услышал.

А вот майорский вопль слышали все, даже бабушка, очень обрадовавшаяся такому небанальному началу дня. Едва не оборвав занавеску, она высунулась в свое окно между горшками с геранью и бодро крикнула:

— Ну что опять у нас стряслось?

Никакого недовольства или осуждения в бабулином голосе не было, она просто констатировала факт: снова что-то стряслось, это у нас норма, все в порядке.

Примерно таким удовлетворенным тоном фрекен Бок в мультфильме про Карлсона объявляла: «А я сошла с ума, я сошла с ума... Какая досада!» — и шла печь плюшки для всех обитателей своего милого сумасшедшего дома.

— Все прекрасно! — Кулебякин спешно прикрылся подхваченным с земли ведром. — Прошу прощения, если разбудил.

— Ой, да ори, если хочется, подавлять эмоции очень вредно, — добродушно отмахнулась бабуля одной рукой. Второй она напяливала на нос очки, явно намереваясь получше рассмотреть обнаженную натуру майора.

Из чисто академического интереса, разумеется: бабуля много лет преподавала биологию и профессионально интересуется всякими разными живыми организмами.

— Ага, ага... Опять не согрешили?

Под пытливым взглядом дипломированного биолога Денис попятился за дерево. Я молча сдернула с веревки просторное пляжное полотенце и швырнула его любимому. Тот ловко поймал тряпичный ком и снова выступил на лужайку уже в изящном махровом саронге, независимо насвистывая и непринужденно помахивая пустым ведром, в серебристых боках которого слепяще заплескалось солнце.

— Сынок, если ты по воду, возьми коромысло, — посоветовал, выступая на сцену, папуля.

Наш летний дом строился как мини-отель, так что у каждой из комнат на первом этаже есть свой выход во двор. Это очень упрощает и оживляет сценографию: любой из участников нашего бесконечного Марлезонского балета может присоединиться к действию на основной сцене быстро, без задержки.

— Воды мы с вечера принесли, — припомнила я.

Вообще-то в доме есть водопровод, но папуля — он у нас гурман и кулинар-изобретатель — считает идеальной для приготовления пищи колодезную воду. Колодец старинный,

общий, он находится не у нас во дворе, а выше в гору, и под давлением папули (он тоже тиран и деспот) мы ходим к нему с ведрами как минимум раз в день. Ездили бы на машине, но в авто не довести воду в ведрах, а транспортировать живительную влагу в пластиковых баках папуля не позволяет: говорит, это портит вкус водицы.

— Кстати, где вода? — спохватилась я, сообразив, что мой милый помахивает *пустым* ведром.

— Я вылил ее на себя, — неохотно признался Кулебякин. — Мне срочно нужен был холодный душ!

Папуля сочувственно крикнул, бабуля понятиливо хмыкнула и наставительно сказала:

— Говорю же, сдерживать естественные порывы очень вредно!

— В самом деле, Денис, это уже чересчур, — в проеме открытой двери под крылом красиво подпернутой тюлевой занавески возникла мамуля в элегантной хлопковой пижаме классической тюремной расцветки — в широкую вертикальную полоску. — Если воздержание дается так тяжело, до истощного ора...

Тут я впервые с внезапным подозрением подумала: надо бы разобраться, а не сделали ли мои любимые родичи ставки на наш с Денисом жаркий спор о допустимости добрых сексу-